© 2019 Мрих Александр Сергеевич
Mrich Alexander Sergeevich
ведущий юрисконсульт сектора № 2 отдела защиты интересов банка в сфере корпоративного бизнеса и взаимодействия с государственными органами юридического управления Среднерусского банка ПАО Сбербанк, кандидат юридических наук
Leading Legal Advisor to Sector No. 2 of the Department for Protection of Bank's Interests in Corporate Business and Interaction with Government Bodies, Central Russian Bank of PJSC Sberbank, Candidate of Law
E-mail: Mrikh.A.Se@sberbank.ru

УДК 347.4

ТРЕТЬИ ЛИЦА В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
THIRD PARTIES IN OBLIGATION: SOME PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Ключевые слова: обязательство, третьи лица, кредитор, должник.
Keywords: obligation, obligor, obligee, third parties.

В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы, связанные с участием третьих лиц в обязательстве. Автор отмечает, что конструкция обязательства имеет универсальный характер, поскольку позволяет описать содержание любого гражданского правоотношения. Дополнение конструкции обязательства участием третьих лиц противоречит логике и является причиной судебных ошибок.
The article deals with the issues of participation of third parties in an obligation. The author points out that an obligation is a multipurpose concept allowing to describe any legal bond. Participation of third parties in an obligation defies logic and bring fallacy in judgements.

В пункте 1 статьи 307 ГК РФ закреплено понятие обязательства.

В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

На практике содержание любого гражданского правоотношения может быть выражено через понятие обязательства. Безусловно, в теории гражданские правоотношения делят на вещные и обязательственные [1, с.115]. Но и само вещное правоот-

ношение в теории определяется как связь управомоченного лица и неопределенного круга лиц, которые обязаны воздерживаться от нарушения вещного права [2, с.98]. На практике же всегда есть конкретный нарушитель вещного права (либо нарушители - статья 308 ГК РФ), от которого можно требовать прекращения нарушения вещного права. Поскольку вещно-обязательственная дифференциация появляется только на этапе выбора способа защиты права, представляется целесообразным говорить о вещных и обязательственных способах защиты права, а не о вещных и обязательственных правоотношениях.

В условиях универсальности конструкции обязательства не вполне понятно, зачем в законодательстве существуют две модификации указанной конструкции, осложненные участием третьих лиц. Эти модификации закреплены в статьях 313 и 430 ГК РФ, и их существование влечет некоторые проблемы теоретического и практического плана.

Чисто теоретически дополнение понятия обязательства признаком участия третьего лица нарушает правила формальной логики, поскольку привносит внутреннее противоречие (contradictio in adjecto) в понятие обязательства.

Так, статья 313 ГК РФ говорит об исполнении обязательства третьим лицом. Однако в силу статьи 307 ГК РФ именно на должнике лежит обязанность исполнить обязательство. Из статьи 403 ГК РФ также следует, что должник отвечает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства третьими лицами, на которых должник возложил исполнение. Следовательно, "исполнение обязательства" логически тождественно "исполнению должником обязанности исполнить обязательство". Третье лицо не является стороной обязательства, не входит в его пространство и не может ничего изменить в этом пространстве. Таким образом, когда кредитор принимает исполнение от третьего лица, происходит исполнение обязательства должником за счет третьего лица, а не исполнение обязательства третьим лицом. Обратное делало бы третье лицо стороной обязательства, для чего нет никаких оснований.

Приведенные замечания могут показаться излишним формализмом. Однако неточность формулировки влечет практические проблемы. В ряде решений районных судов Московской области по делам о расторжении договоров участия в долевом строительстве (далее - ДДУ) отсутствие у судьи четкого понимания того, что третье лицо, на которое возложено исполнение обязательства по статье 313 ГК РФ, не становится должником, привело к решениям, ущемляющих интересы как должника, так и кредитора. Суть споров сводилась к следующему.

Граждане заключили ДДУ с различными застройщиками Московской области. Денежные взносы оплачивались непосредственно участниками, но часть средств являлась кредитными. Банк стороной ДДУ не являлся. Все ДДУ содержали примерно следующее положение: "…в случае расторжения договора по любым основаниям участник поручает застройщику перечислить в срок не позднее десяти банковских дней с даты расторжения договора сумму денежного взноса, оплаченного за счет кредитных средств, на лицевой счет участника в ПАО Сбербанк в счет исполнения участником обязательств по кредитному договору, заключенному с ПАО Сбербанк". За-

стройщики не исполнили обязательство по передаче квартиры в срок, и участники обратились в суд за расторжением ДДУ и взысканием уплаченного денежного взноса. В одних делах истцы просили взыскать часть денежного взноса, равную остатку задолженности по кредитному договору, в пользу ПАО Сбербанк, в других - всю сумму уплаченного взноса в свою пользу. Банк во всех делах участвовал в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора. Итог был один: суд выносил решение, в котором собственную часть денежного взноса взыскивал с застройщика в пользу участника, кредитную часть - с застройщика в пользу ПАО Сбербанк.

Банк обжаловал решение, ссылаясь, среди прочего, на то, что указанное выше условие ДДУ является предусмотренным статьей 313 ГК РФ возложением участником (должник) исполнения кредитного обязательства на застройщика (третье лицо), при котором в силу статьи 403 ГК РФ должником остается участник. Обжалование оказалось безрезультатным: суд апелляционной инстанции не нашел оснований для отмены решения, судья кассационной инстанции не усмотрел оснований для передачи дела на рассмотрение судом кассационной инстанции.

Представляется, что суду следовало вынести решение о взыскании с застройщика в пользу участника всей суммы денежного взноса, из которой часть в размере остатка по кредитному договору перечислить на счет в ПАО Сбербанк. Вместо этого суд лишил участника права требовать от застройщика возврата части внесенных денежных средств, и сделал застройщика должником банка. При этом требовать от застройщика указанной части денежных средств не может и банк, поскольку третьи лица без самостоятельных требований лишены права требования принудительного исполнения решения суда (часть 1 статьи 43 ГК РФ). Один из участников после подобного решения обращался в суд с исковым заявлением о прекращении кредитного договора (впрочем, безуспешно). Вероятно, всех этих трудностей можно было избежать, если бы статья 313 ГК РФ не содержала двусмысленных формулировок.

Статья 430 ГК РФ говорит о договоре в пользу третьего лица, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу.

Статья 430 использует термины "обязательство", "должник" и "кредитор". Но если в статье 307 ГК РФ должник - это лицо, обязанное совершить определенное действие в пользу кредитора, а кредитор - лицо, которое имеет право требовать от должника исполнения его обязанности в свою пользу, то в статье 430 ГК РФ должник - это лицо, обязанное совершить определенное действие в пользу третьего лица, а третье лицо - это лицо, которое имеет право требовать от должника исполнения его обязанности в свою пользу. Таким образом, термин "должник" имеет разные определения в разных статья ГК РФ, а термин "третье лицо" из статьи 430 ГК РФ и термин "кредитор" в статье 307 ГК РФ имеют одно и то же определение. Помимо очевидного несовершенства терминологического аппарата ГК РФ, в статье 430 ГК РФ не урегулирован вопрос о том, какой объем прав остается у кредитора по смыслу статьи 430 ГК РФ. Это порождает противоречивую практику.

Так, в Арбитражном суде города Москвы рассматривалось дело по иску индивидуального предпринимателя к страховой компании о взыскании страхового возмещения. Застрахованное имущество являлось предметом залога в пользу ПАО Сбербанк. Договор страхования содержал условие о том, что выгодоприобретателем по договору страхования является ПАО Сбербанк, и при наступлении страхового случая страховщик обязан выплатить ПАО Сбербанк страховое возмещение в размере неисполненных обязательств по кредитному договору. Поскольку размер неисполненных обязательств по кредитному договору превышал размер взыскиваемого страхового возмещения, страхователь заявил исковые требования о взыскании страховой выплаты в пользу ПАО Сбербанк. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований, сославшись, среди прочего, на то, что кредитор по договору в пользу третьего лица не имеет права требовать от должника исполнения обязательства в пользу третьего лица. Банк и страхователь обжаловали решение. Суд апелляционной инстанции поддержал вывод суда первой инстанции, суд кассационной инстанции не дал никакой оценки данному обстоятельству, оставив решение в силе по другим причинам.

В то же время, существует судебная практика по делам с участием банка, в которой суд признал право страхователя на обращение с иском к страховщику о взыскании страхового возмещения в пользу банка (Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.09.2017 № 12АП-9706/2017 по делу № А12-6616/2017, оставленном без изменения Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 05.12.2017 № Ф06-27450/2017 и Определением Верховного Суда РФ от 28.03.2018 № 306-ЭС18-1782; Определение Верховного Суда РФ от 04.12.2018 № 42-КГ18-6).

Обе позиции имеют под собой обоснованные аргументы.

С одной стороны, в пункте 1 статьи 308.3 ГК РФ содержится общая презумпция того, что в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре. По договору страхования в пользу третьего лица исполнение обязанности состоит в выплате страхового возмещения денежных средств страховщиком (должник) выгодоприобретателю (третье лицо). Следовательно, страхователь, оставаясь кредитором, имеет право требовать от страховщика исполнения обязательства, то есть перечисления страхового возмещения выгодоприобретателю.

С другой стороны, по смыслу статьи 307 ГК РФ право требовать исполнения обязательства есть у лица, в пользу которого оно должно быть исполнено. С этой точки зрения страхователь, формально оставаясь кредитором, не имеет права требовать от должника исполнения обязательства, поскольку обязательство должно быть исполнено не в его пользу, а в пользу третьего лица, которому и принадлежит право требования.

Резюмируя все вышесказанное, приходится констатировать необходимость уточнения формулировок статей 313 и 430 ГК РФ. Тем не менее, пока данный вопрос не будет урегулирован в законодательстве, банковским юристам, участвующим в делах о расторжении ДДУ, следует обращать внимание судов на обозначенные выше проблемы, которые могут возникнуть при небрежной формулировке резолютивной ча-

сти решения суда. Что касается споров, в которых страхователь заявляет требование о взыскании страхового возмещения в пользу банка, при подготовке позиции по делу банковские юристы могут использовать мотивировку и судебную практику, приводимые в настоящей статье.

* * * *

1. Брагинский М.И. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных правоотношений // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сб. памяти С.А. Хохлова / М.: Междунар. центр финансово-экономич. развития, 1998.

2. Гражданское право: учебник: в 2 т. / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо и др.; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2. 560 с.